

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете**

1868. Книга 2

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1868. Книга 2 / Нет автора – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 744 с.

ISBN 978-5-4241-7567-1

ISBN 978-5-4241-7567-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧТЕНІИ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1868

Апрѣль — Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ, НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1868.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

яль народа; по этому и первые законы носятъ на себѣ всегда отпечатокъ этѣхъ послѣднихъ. При томъ такъ какъ родовое начало не легко уступаетъ мѣсто государственному, хотя мало по малу и вытѣсняется имъ, то законы этѣ обнаруживаютъ обыкновенно характеръ неопредѣленности и, выражая преобладаніе того или другого начала, носятъ на себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отпечатокъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ. У всѣхъ народовъ въ первобытномъ ихъ состояніи мы не находимъ разграниченія сферы гражданскаго права отъ сферы права уголовнаго. Образование положительныхъ законовъ всякаго народа начинается съ правилъ уголовныхъ; часто гражданское право пребываетъ еще въ состояніи неопредѣленности и несовершенства, между тѣмъ какъ уголовное находится уже на нѣкоторой степени развитія. Такъ было, вѣроятно, по естественному порядку вещей, и въ Россіи; и дѣйствительно, мы видимъ, что въ первые времена Русскаго Государства, когда гражданскія отношенія были еще совершенно не опредѣлены закономъ, уголовныя наказанія излагались имъ даже съ нѣкоторою подробностію.

Нѣкоторые ученые раздѣляютъ то мнѣніе, что первые законы принесены въ Россію извнѣ: такъ, Рейцъ выводитъ ихъ изъ Скандинавіи; Шлецеръ, Эверсъ, Струбе, Чацкій и др. изъ Готскихъ и Франкскихъ странъ, Даніи, Германіи и иныхъ земель. Это мнѣніе кажется на первый взглядъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что нѣкоторыя мѣста нашихъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ сходствуютъ съ постановленіями этѣхъ народовъ; но, разсмотрѣвши ихъ поближе и обративши вниманіе на слова нашего перваго лѣтописца, ¹ должно будетъ согласиться, что Русскіе имѣли свои собственныя, народныя законоположенія. Быть можетъ, пришедшіе къ намъ Варяги имѣли нѣкоторое вліяніе на туземныя постановленія, но едва ли они внесли свои цѣликомъ; напротивъ, Исторія показываетъ намъ, что они сами, вскорѣ по пришествіи на Русь, подверглись Славянскому вліянію, а съ теченіемъ времени даже совершенно стерлись. При томъ, вліяніе Ва-

¹ Несторъ говоритъ: «вняху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ.» См. «Полное собраніе Русскихъ лѣтописей.» Томъ I. Лаврент. лѣтоп., стр. 6.

ряговъ на древнее законодательство можно, пожалуй, допустить еще относительно государственныхъ и полицейскихъ законовъ; которые всегда зависятъ болѣе отъ Правительства, чѣмъ отъ обычаевъ, существующихъ въ народѣ, но ужь ни какъ не по отношенію къ гражданскимъ законамъ. Ни Рюрикъ, ни его преемники, не создали Русскихъ законовъ; зачатки ихъ коренились въ самомъ народѣ и слѣды ихъ видны въ самыхъ древнѣйшихъ времена. Предки наши, принявъ Христіанскую Вѣру отъ Грековъ, заимствовали также отъ нихъ и нѣкоторые законы. Греческіе законы служили дополненіемъ Русской Правды, Судебниковъ; они служили дополненіемъ и источникомъ Уложенія Алексѣя Михайловича. Не только духовныя мѣста и власти, но и гражданскія судебныя мѣста, въ случаѣ недостатка отечественныхъ законовъ, прибѣгали къ Греческимъ узаконеніямъ и рѣшали по нимъ дѣла. Словомъ, Греческіе законы служили въ древней Россіи, такъ сказать, вспомогательнымъ правомъ.

Древніе законодательные памятники наши распространяются наиболѣе о наказаніяхъ, пеняхъ, сословіяхъ; что же касается до гражданского права, то они ограничиваются почти одною только его стороною—судопроизводствомъ. На этѣхъ началахъ основаны и Русская Правда, и законы Ивана III, и Судебникъ Грознаго. Немногія начала гражданского права, по ихъ близкому отношенію къ судопроизводству, обращали на себя вниманіе тогдашнихъ законодателей. Только Уложеніе Алексѣя Михайловича даетъ имъ болѣе мѣста, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, оно далеко оставляетъ за собою всѣ прежніе законодательные памятники. Сдѣлавъ этѣ предварительныя замѣчанія, приступаемъ къ обзорѣнію самыхъ памятниковъ.

Древнѣйшій изъ нихъ, конечно, есть Русская Правда. Она есть одно изъ древнѣйшихъ выраженій юридическихъ идей, какими только могутъ похвалиться новые народы; но ни одинъ изъ послѣднихъ не имѣетъ законодательнаго памятника, который бы, подобно Русской Правдѣ, былъ составленъ спустя столь не много лѣтъ по основаніи Государства. По этому поводу нѣкоторые ученые, на пр., Каченовскій, заподозривали ея подлинность и считали не возможнымъ, чтобы подобный памятникъ могъ

явиться такъ скоро по основаніи Государства. Но нашъ почтенный ученый Калачовъ доказалъ неосновательность такихъ сомнѣній, сравнивая Русскую Правду съ кодексами Исландскихъ законовъ, извѣстными подъ названіемъ Gragas и съ другими.²

Не смотря на довольно обширную литературу Русской Правды, памятникъ этотъ во многихъ отношеніяхъ остается еще и до сихъ поръ неполнѣ разъясненнымъ. Мы, основываясь на выводахъ, сдѣланныхъ людьми, занимавшимися изученіемъ этого важнаго памятника, скажемъ вкратцѣ о составѣ Русской Правды, ея обязательной силѣ и отчасти коснемся ея содержанія.

Однимъ изъ спорныхъ вопросовъ по отношенію къ Русской Правдѣ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, былъ тотъ: есть ли она произведеніе жизни Русскаго народа, или же принесена къ намъ изъ чужихъ странъ? Эверсъ считалъ законы Русской Правды заимствованными изъ уложеній Салическихъ и Рипуарскихъ Франковъ. Шлецеръ и Струбе считали источникомъ ея Шведскіе и Датскіе законы, а Рейцъ смотрѣлъ на нее, какъ на законодательство чисто Нѣмецкое. Конечно, отвергать совершенно вліяніе Нѣмецкой стихіи на Русскую Правду нельзя; ибо самое содержаніе ея указываетъ отчасти на это вліяніе; но изъ этого же содержанія оказывается несомнѣннымъ также и то, что главная ея основа — народная, туземная. Если въ Русской Правдѣ и отражается, въ извѣстной степени, Нѣмецкая стихія, указывающая на то, что туземное Русское право подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ пришлыхъ Варяго-Руссовъ, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы она имѣла своимъ единственнымъ источникомъ чужеземные законы. Варяги, будучи призваны для введенія порядка и устроя въ Россіи, обратили все свое вниманіе на подчиненіе разрозненныхъ племенъ своей единой власти и на управленіе ими; внутреннихъ же отношеній и народной жизни они почти не касались. Слѣдовательно, вліяніе ихъ ограничивалось преимущественно государственными отношеніями,

² См. его «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской правды.» Москва, 1846 г. Введеніе, стр. VI.

а не частными, гражданскими, основа которыхъ и при нихъ осталась та же, что и прежде. ³ Такимъ образомъ, вѣрнѣе всего будетъ, если скажемъ, что Русская Правда есть собраніе обычаевъ чисто народныхъ, Славянскихъ, и только отчасти Нѣмецкихъ.

Теперь спрашивается: есть ли она Правительственное собраніе, или сборникъ, составленный частными лицами? Первоначальное изложеніе Русской Правды намъ не извѣстно; она дошла до насъ въ спискахъ не ранѣе XIII вѣка. Въ этомъ видѣ она едва ли можетъ быть признана Правительственнымъ сборникомъ, а есть не что иное, какъ собраніе законовъ, составленное и въ разное время дополненное частными лицами; это подтверждается разнообразіемъ формъ изложенія отдѣльныхъ статей, неодинаковымъ порядкомъ размѣщенія ихъ въ различныхъ спискахъ, недостаткомъ статей, которыя есть въ спискахъ болѣе древнихъ и которыхъ нѣтъ въ спискахъ позднѣйшихъ. ⁴ Не смотря, однако, на то, что Русская Правда была составлена частными лицами, она имѣла обязательную силу и признаваема была Правительственно источникомъ права; послѣднее можно заключать изъ того, что она вносима была въ Коричія и другіе сборники, писанные по повелѣнію Князей, которыми руководствовались при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

Трудно также опредѣлить, гдѣ именно имѣла силу Русская Правда: во всей ли Россіи, или только въ нѣкоторыхъ областяхъ ея? Скорѣе, однако, нужно принять первое; ибо вездѣ, гдѣ ни встрѣчаются памятники законовъ, которыми руководствовались жители древней Руси, въ нихъ замѣтны слѣды Русской Правды.

³ Профессоръ Пахманъ, въ своемъ сочиненіи «О доказательствахъ по древнему Русскому праву» (стр. 30) говоритъ, что этотъ взглядъ на Варяговъ впервые высказанъ Морошкинымъ. Но это не совсѣмъ справедливо. Взглядъ этотъ еще ранѣе высказанъ былъ Раковецкимъ. См. его «Prawda Russka». Т. I, стр. 134.

⁴ Что Русская Правда могла быть составлена частными лицами, а не самимъ Правительствомъ, это подтверждается отчасти и тѣмъ, что когда, на пр., Псковитяне поднесли В. Князя Ивану Васильевичу свои древніе права и уставы, то онъ, посмотрѣвъ на нихъ, отдалъ назадъ и будто сказалъ: «Сіи грамоты писаны не Великими Князьми.»

Очень можетъ быть, что первоначально дѣйствіе ея ограничивалось одною только мѣстностію, а въ послѣдствіи ея стали руководствоваться и жители другихъ областей. Въ особенности общность ея для всей Руси видна изъ того, что Русскіе Князья дѣлали въ ней измѣненія съ общаго согласія: такъ Владимиръ Мономахъ, при ограниченіи закона о ростахъ, совѣщался съ Ратиборомъ Кіевскимъ, Прокопѣемъ Бѣлогородскимъ, Станиславомъ Первяславскимъ и Чудиновичемъ, Княземъ Черниговскимъ.⁵ Если бы Русская Правда дѣйствовала въ одномъ только мѣстѣ, то съ какой стати Мономахъ прибѣгалъ бы къ согласію этѣхъ Князей и требовалъ отъ нихъ мнѣнія о томъ, до чего имъ не было ни малѣйшаго дѣла? Изъ этого слѣдуетъ заключать, что Русская Правда дѣйствовала и въ ихъ Княжествахъ. И по тому мнѣніе Рейца, будто Русская Правда не была никогда общимъ земскимъ уложеніемъ для всей Россіи,⁶ падаетъ передъ этѣми очевидными доказательствами.

Наконецъ, представляется еще одинъ вопросъ: какія статьи Правды приписывать Ярославу, а какія его преемникамъ, на пр., Владимиру Мономаху? Болтинъ и Погодинъ приписывали первые 17 статей, помѣченныхъ «Соудъ Ярославъ Володимирица», Ярославу I, а слѣдующія за ними Владимиру Мономаху, принимая озаглавленіе: «А се оустави. Володимиръ» за грань, съ которой начинается другая часть законодательства. Карамзинъ и Эверсъ не соглашались съ этѣмъ и утверждаютъ, что эта надпись указываетъ только на одно новое постановленіе, о третнихъ ростахъ, сдѣланное Владимиромъ Мономахомъ.

Что касается до содержанія Русской Правды, то она не затрагиваетъ многихъ сторонъ права, на пр., права семейственнаго. Причина этому простая: семейственныя отношенія были въ тѣ

⁵ См. Введеніе въ изданные Строевымъ и Калайдовичемъ «Законы Ивана Васильевича и Судебникъ Ивана IV,» стр. VIII.

⁶ См. его «Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ,» стр. 393.

времена дѣломъ чисто семейнымъ, домашнимъ, въ которое законодатель не видѣлъ необходимости вмѣшиваться; ибо главы семействъ дѣйствовали въ этѣхъ дѣлахъ съ неограниченною властію. Наслѣдственному праву также дано въ ней не много мѣста. Въ Правдѣ главнымъ образомъ встрѣчаются статьи, относящіяся къ обязательствамъ, къ праву полицейскому и уголовному; о другихъ родахъ права говорится весьма мало, а о нѣкоторыхъ даже ни чего. Очевидно, что она имѣла цѣлью удовлетворить только самымъ необходимымъ потребностямъ народа, такъ недавно еще вступившаго въ государственныя отношенія.

Мы упомянули выше, что съ принятіемъ Христіанства отъ Грековъ, въ Россію стали проникать Византійскіе законы, внесенные духовенствомъ, которое состояло на первыхъ порахъ главнымъ образомъ изъ Грековъ. Примѣненіе Византійскихъ законовъ не прекратилось даже и въ послѣдствіи, когда духовенство состояло уже по преимуществу изъ Русскихъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ его съ духовенствомъ Греческимъ и Болгарскимъ. Первоначально Византійскіе законы проникли къ южнымъ Славянамъ, а оттуда уже въ Россію. ⁷ Въ XII, XIII и XIV стол. въ Россіи дѣлаются извлеченія изъ Византійскихъ законовъ, съ тою цѣлью, чтобы гражданскіе и духовные суды руководствовались ими въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ. ⁸ Наиболѣе проникли въ Россію сборники каноновъ Іоанна Схоластика (составленный имъ въ VI вѣкѣ) и Фотія (въ IX в.); они принадлежатъ къ числу первыхъ сочиненій, которыя были переведены на Славянскій языкъ. ⁹ Номоканонъ этѣ обнимаютъ, какъ извѣстно, не одиѣ только церковныя постановленія, но и гражданскія; такъ, на пр.,

⁷ Розенкампфъ «Обозрѣніе Кормчей въ историческомъ ея видѣ», стр. 9. См. Калачова «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права.» Въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ. Исторія и Древностей Россійскихъ 1848 г., кн. III, стр. 8—10.

⁸ См. рѣчь Рождественскаго: «О вліяніи Греко-Римскаго права на Русскіе гражданскіе законы», помѣщенную въ «Актѣ Петербур. Университета» за 1843 годъ.

⁹ Розенкампфъ стр. 43.

помѣщенный въ нихъ Градскій законъ есть не что иное, какъ извлеченіе изъ Юстиніанова Кодекса и Прохирона Императора Василя Македонянина. Этотъ Градскій законъ имѣлъ въ Россіи значительное примѣненіе, вліяніе его замѣтно отражается въ нѣкоторыхъ памятникахъ, а мѣстами онъ даже включенъ въ мѣ составъ почти безъ всякихъ измѣненій; такъ, на пр., статьи его, относящіяся къ наслѣдству, вошли цѣликомъ въ Судебники и Уложеніе.

Конечно, Византійскіе законы не могли имѣть въ Россіи всеобщаго примѣненія, такъ какъ они во многомъ не согласовались съ условіями Русской жизни; но что по нѣкоторымъ вопросамъ они имѣли значительное дѣловое примѣненіе, это видно изъ того, что они вносились въ систему свѣтскаго законодательства. Все это указываетъ на огромную важность и значеніе нашихъ Кормчихъ въ системѣ древняго Русскаго законодательства.

Византійскій Номоканонъ дѣйствовалъ на жизнь Русскаго общества мало по малу. Духовенство, пожалуй, не прочь было ввести Греческія узаконенія сразу, но жизнь говорила свое: старые обычаи упорно отстаивали свое существованіе, и потому дѣйствіе это не обошлось безъ борьбы. Какъ трудно было идти противъ народныхъ обычаевъ, доказываетъ, на пр., то обстоятельство, что Владимиръ, отбывшій, по вліянію духовенства, право мести за обиды, за которыя, на основаніи Градскаго закона, наказывалось смертію, въ послѣдствіи, по совѣту того же самаго духовенства, согласился на возвращеніе къ иржежнему обычаю (т. е., къ праву мести).¹⁰ Начало Русской Правды глубоко коренилось въ обычаяхъ народа и неохотно уступали свое мѣсто новымъ. Но какъ бы то ни было, Византійскіе законы мало по малу проникли на Русь и сдѣлали въ законодательствѣ ея нѣкоторый переворотъ; достаточно указать на порядокъ наслѣдованія по Русской Правдѣ, и по Уложенію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Разница большая! Мы не имѣемъ достаточно памятниковъ, по кото-

¹⁰ Розенкампфъ, стр. 103—104.